

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973 гг.)

Тамара Кузнецова*

Публикация представляет собой письма академика Татьяны Ивановны Заславской, относящиеся к первым десяти годам ее жизни в Новосибирском Академгородке. Татьяна Ивановна в 1963 году перешла на работу из Института экономики РАН (тогда АН СССР) в созданную Абелом Гезевичем Аганбегином Лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ) Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (ныне ИЭОПП СО РАН), переехав с семьей из Москвы в Новосибирский Академгородок. Ее адресат — Кузнецова Тамара Евгеньевна, в тот период — младший научный сотрудник Института, до отъезда Татьяны Ивановны в Академгородок работала ее помощником, как тогда называли «младшим», в секторе политической экономии социализма, руководимым Я. А. Кронродом. Письма повествуют о многих сторонах жизни Татьяны Ивановны (о быте и взаимоотношениях с коллегами, о ситуации в ЛЭМИ и характере работы, о состоянии сельского хозяйства и положении в стране и т. п.). Но главное — в этих письмах раскрывается сама Татьяна Ивановна, удивительно чистый, честный, искренний, умный, талантливый человек и замечательный друг.

Ключевые слова: Т. И. Заславская, история науки в СССР, ЛЭМИ, Новосибирский Академгородок, А. Г. Аганбегян, письма

Первые годы после переезда Татьяны Ивановны из Москвы в Новосибирск мы очень интенсивно переписывались. Затем писали реже. Татьяна Ивановна чаще стала бывать в Москве, а потом и вернулась окончательно — мы встречались, перезванивались.

У меня сохранились некоторые письма из нашей многолетней переписки. Мне кажется, что они могут быть интересны не только мне, но и другим, поскольку повествуют о зарождении новосибирской экономико-социологической школы, о советской жизни и быте в относительно благоприятных по тем временам условиях, об окружающих Татьяну Ивановну людях, о важных событиях, о дружбе устами, точнее, пером, выдающегося ученого и замечательного человека.

Но вначале небольшая предыстория.

По окончании Московского экономико-статистического института в 1958 г. я была распределена в Новосибирск в Академгородок, который только-только создавался. Но спрос там был на опытных и знающих людей, поэтому нескольких

* Кузнецова Тамара Евгеньевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация 117218. E-mail: kte@inecon.ru

© Кузнецова Т. Е., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

девочек, поехавших туда по распределению, вернули домой. Я в Новосибирск не сумела поехать, поскольку вышла замуж и родила сына. А отказ от распределения мне девочки привезли.

В Москве на работу по тем временам устроиться было довольно сложно. «Дорогой Никита Сергеевич» Хрущев взял размашистый курс на вывод из Москвы многих учреждений, и прежде всего научных. Но мне повезло. Выяснилось, что с моими документами можно проситься на работу в академические институты, в том числе и в Москве. Так я оказалась в Институте экономики АН СССР.

В Институт меня зачислили 8 марта 1960 г. (в те времена это был рабочий день). Поскольку свободных ставок младшего научного сотрудника не было, меня определили в Статбюро Института (благо специальность у меня была — статистика) научно-техническим сотрудником.

Татьяна Ивановна после окончания экономического факультета МГУ работала в секторе сельского хозяйства этого Института. В конце 1960 г. Яков Абрамович Кронрод¹ пригласил ее в сектор политэкономии, ставший головным по написанию большого труда по «Закономерностям перехода от социализма к коммунизму». Было такое! Руководители сектора сельского хозяйства приказом дирекции отпустили Татьяну Ивановну на два года, но помощника, «младшего», по тогдашней терминологии, ей не дали. В качестве внутреннего институтского резерва оказалась я, поскольку в Статбюро на машине «Рейнметалл» (по типу автоматического арифмометра) мог работать человек и без высшего образования. Так мы встретились с Татьяной Ивановной, и для меня начался один из интереснейших отрезков моей жизни.

Мне пришлось вспомнить, чему меня учили в МЭСИ, поскольку Татьяне Ивановне требовалось много расчетов по многочисленным показателям состояния сельского хозяйства по областям и республикам СССР. Мы искали сложные зависимости, старались решить их статистическими методами и очень этим увлекались. Работать было не только интересно, но и легко, хотя работы было много. Собирали материал на местах, ездили по стране. Радовались хорошему и много смеялись, сокрушались о плохом и могли по случаю всплакнуть. Бывали в Краснодарском крае, Калининской (ныне Тверской), Псковской областях. Татьяна Ивановна уже тогда старалась опрашивать колхозников скорее как социолог, а не только как экономист. Постепенно я научилась сама собирать полевой материал и знакомиться с передовым по тем временам опытом. И могла ездить в командировки одна. Кстати, мы обе любили логарифмическую линейку и лихо считали, каждая на своей, удивляя работников правлений колхозов диковинным счетным аппаратом.

Нас сближало и то, что в Москве мы жили рядом — Татьяна Ивановна на Пятницкой улице, а я — на Болотной площади. Детский сад, куда ходил мой сын, находился во дворе ее дома и мы частенько заходили к ним просто так. Одно время я,

1. Я. А. Кронрод, зав. сектором политической экономии социализма Института экономики АН СССР.

ожидая окончания строительства кооперативного дома, жила в квартире Татьяны Ивановны на Пятницкой. Это было, когда уже не стало ее отца и мачехи, а семья Заславских пребывала в Академгородке.

Отведенные Татьяне Ивановне два года работы в секторе политэкономии пролетели быстро. В конце 1962 г. руководство аграрного сектора затребовало ее назад. Возвращение к ортодоксальным аграрникам после работы в творческом коллективе сектора под руководством Я. А. Кронрода было для Татьяны Ивановны убийственно. Меня в свое время сразу оформили в сектор политэкономии, и на меня аграрники претендовали только «для порядка», хотя и агрессивно. У Татьяны Ивановны были и квартирные сложности. Семья Заславских жила вместе с отцом Татьяны Ивановны и мачехой, женщиной сурового склада, что создавало ненужное напряжение, мешало жить и работать. По совокупности этих причин Татьяна Ивановна размышляла о приглашении А. Г. Аганбегяна переехать в Новосибирск. Приказ по Институту о ее насильственном возвращении в аграрный сектор не только стимулировал ее отъезд в Новосибирск, но и существенно его ускорил. Я провожала семью Заславских на вокзале в начале апреля 1963 г. Мы плакали. После отъезда Татьяны Ивановны меня «младшим» взял к себе Владимир Григорьевич Венжер.

О письмах Татьяны Ивановны ко мне, которые я хочу обнародовать, писать ничего не буду, они говорят сами за себя. Замечу только, что зарисовки, повествующие о том, что называется сугубо «личной жизнью» в них опущены и отмечены многоточием.

Упоминания в письмах имен А. Г. Пруденского и других работников Института экономики и организации промышленного производства связаны с чинившимися ими поначалу препятствиями работе сотрудников ЛЭМИ (Лаборатория экономико-математических исследований) под руководством Абеда Гезовича Аганбегяна. Об упоминании других фамилий я буду давать справку в том случае, если я помню, кем они были в соответствующий период.

Итак, письма Татьяны Ивановны Заславской. Располагаю их в хронологической последовательности. Тематика и ситуации, описанные в них, определяются ее реакцией на происходившие события, душевными качествами и литературным стилем автора.

* * *

«Академгородок, об.10.1963 г.

Дорогая Тамара!

Огромное спасибо за материал. Получила его довольно давно, но рассудила, раз Вы в отпуске, то лучше написать попозже. На мне — все дела по дому, а кроме того — совершенно фанатическая работа, которую я гоню невиданными для Москвы темпами. То есть, конечно, не вообще для Москвы, а для своей собственной московской жизни. Трудно сказать, что больше всего содействует повышению трудоспособности: то ли отсутствие Миши², постоянно тянущего в сторону развлечений и вообще требующего внимания, то ли механизация и облегчение быта, то ли прекрасная природа и свежий воздух, то ли наличие собственного кабинета, закрытого для посягательств «двоечников». Но работается удивительно хорошо, причем странно, что совершенно не чувствую усталости, хотя в этом году и не отдыхала.

Сейчас работаю над последним параграфом, посвященным материальному поощрению колхозников при внутрихозяйственном расчете. Пошли в дело материалы Вашей последней командировки. Да и вообще материальная база не слаба. Дней через 10–15 надеюсь поставить последнюю точку под последней главой, затем отредактировать всю вторую часть работы и сдать ее на машинку, а затем в набор. Мы хотим напечатать работу в НГУ на ротапинтере в количестве 550 экземпляров, что считается уже печатной работой. Это здорово облегчит дальнейший тернистый путь. Потом надо будет вновь вернуться к первой и второй главам, дополнить их новыми материалами (одна девушка считает под первую главу уже пятый месяц, не поднимая головы, а всего на меня работают трое). И, наконец, можно будет считать, что главное сделано.

Вот таково сейчас положение вещей. Сегодня посылаю письмо Козельскому³ на имя Плотникова⁴ с просьбой поставить мою работу на очередь на защиту. Сама еще далеко не примирилась с мыслью, что это удовольствие мне предстоит. В сущности, зачем это мне нужно — не знаю. Жить бы себе спокойно и жить, ну а вышла бы работа из печати в Москве, была бы встречена доброжелательно — пожалуй-ста, можно защищать. Но я здесь лишь кусок мяса в мясорубке, которая крутится лишь в одном направлении. С неодолимой силой жмет Абел, и каждый раз при встрече спрашивает: «Когда?» Дело в том, что с этой защитой связаны многие pomysлы, касающиеся лаборатории в целом. Ибо два доктора в здешних условиях — это очень большая сила. Можно было бы, в частности, легализовать работу по сельскохозяйственной тематике, а народа для этого вполне достаточно — уже 11 человек.

2. Михаил Львович Заславский, муж Т. И.

3. Н. Н. Козельский, ученый секретарь Института экономики АН СССР.

4. К. Н. Плотников, директор Института экономики АН СССР.

Но все это где-то далеко впереди. И что еще она сулит эта защита, особенно при нынешнем положении в нашем сельском хозяйстве?

Жизнь стала очень трудна. Белого хлеба нет. Выбрасывают немного батончиков по 9 копеек в пять вечера, а к половине шестого их уже нет. Если хочешь купить батон, занимай очередь часов с четырех. Крупы смыло начисто, словно никогда их и не было. С 1 октября изредка появляются макаронные изделия через стол заказов, но круп нет. Муки, разумеется, тем более. Молоко и молочные продукты пока держатся, мясо тоже есть, а фрукты — только дрянные яблоки по 2,2 рубля кило. Нет и хороших кондитерских изделий. Словом, чревоугодником здесь не сделаешься. Заметно повышается уровень цен. В частности, в столовой, где я часто беру обеды, цены с 1 октября поднялись на 30–40%. Говорят, повысили ее категорию, но это почему-то не утешает.

Самый обычный здесь разговор — об отсутствии денег и сложность заемных операций. Молниеносно распространяется слух, что X удалось занять у Y, и к бедному Y немедленно устремляются толпы. Нередко в этом положении оказываюсь я и чувствую напор людской волны на собственной шкуре. Народ вернулся из отпусков, период всегда в отношении денег трудный, а тут на головы людям обрушилось повышение цен, необходимость заготавливать картошку, отсутствие каких-либо дешевых продуктов. Словом, в бытовом и финансовом положении жизнь здесь далеко не райская.

Активно строится фантастически красивый и огромный торговый центр с рестораном. А нас, бедных, волнует вопрос о том, чем же он будет торговать? Ведь даже если захочешь, хотя бы для иностранцев, которым собираются городок открыть, что-либо купить, и обеспечат этот центр товарами, то как отгородиться от толп голодных новосибирцев, которые и так уже рыскают по городу?

А впрочем, настроение у всех довольно бодрое, вот только собираться на крупные праздники стали редко из-за отсутствия денег и продуктов. Недавно, впрочем, справили новоселье у Олдака⁵. Было весело и даже богато, но он сел на мель окончательно и бесповоротно.

На днях, наконец, послали приглашение Владимиру Григорьевичу для доклада и консультации. Здесь его очень и очень ждут, потому что вопросы сельского хозяйства сейчас волнуют каждого. Народ жаждет знать: есть ли и может ли в современных условиях быть конструктивная программа подъема сельского хозяйства, очевидно, на каких-то новых основах. Я популярно излагаю взгляды Венжера, но заменить его далеко не могу. Передайте ему, что меня постоянно спрашивают, когда придет Владимир Григорьевич. Было бы замечательно, если бы он сумел взять с собой и Вас.

Ваша Т. З.».

5. П. Г. Олдак, сотрудник ИЭ АН СССР, переехавший в Новосибирск.

«Академгородок, 21.10.1963 г.

Дорогая Тамара!

Я, наконец, за столько-то времени решила немного поболеть. Лежу сегодня первый (надеюсь, и последний) день, и вдруг приносят сразу три письма, в том числе и Ваше: то-то было радости! Как-то по-особенному почувствовала, как они дороги, наши простые человеческие связи. Быть может, это вообще самое ценное, что мы приобретаем в жизни? Пахнуло на меня снова жизнью нашего Института, не всегда такую, как хотелось бы, да где же она такая и есть-то на свете?

Итак, значит атмосфера неустроенности, временности, шаткости всего сущего в Институте не прошла. Тон Вашего письма не слишком бодр и оптимистичен. Меня очень заинтересовало и даже встревожило краткое сообщение о разрыве В. Г. с Миррой. Ну и ну! Для такого разрыва у нее должны быть серьезные основания. Но какие? Ломаю голову. То ли он не давал ей самостоятельного раздела, то ли давал не то, что ее устраивало, то ли не сошлись в теоретических взглядах? Надеюсь, что не личные же мотивы здесь были, вроде того, кто, что о ком сказал, или не сослался, или использовал материал и т. д., как это бывает в научных кругах. Увы, и не слишком редко.

Здесь, между прочим, эти мотивы звучат с невиданной для Москвы откровенностью. Вот Вам буквально анекдот, но слышанный своими собственными ушами. Идет у нас в ЛЭМИ перевыборное партсоборание, на нем присутствует ставленник дирекции Зыков, секретарь парторганизации Института. В своем выступлении он всячески наводит тень на плетень и делает какие-то намеки на низкий моральный уровень работников ЛЭМИ. Его берут за горло: говори прямо, что имеешь в виду. «Да вот, я имею сведения, что некоторые работники ЛЭМИ заходят в другие сектора, интересуются собранными материалами и прямо задают сотрудникам вопрос — опубликованы ли эти материалы, с тем чтобы опубликовать их за своим именем».

Не надо говорить, какой тут поднялся шум, но Вы только подумайте, каким надо быть идиотом и как низко думать о людях, чтобы из одного вопроса о том, опубликован ли материал, делать вывод о намерении его украсть и опубликовать за своим именем! Такое впечатление, что ты в дремучей деревне. Во всяком случае — далеко не в Москве. Слава богу, я пока далека от всей этой компании, работаю дома, в чужих материалах не нуждаюсь, но не вечно же длиться этому положению, придется столкнуться с ними поближе.

А у нас в лаборатории все пока хорошо. С Абелом живем дружно, хотя особой близости у меня с ним нет. Из всех работников ЛЭМИ внутренне он мне дальше всех, так что вне работы с большим трудом нахожу с ним предмет для разговора. Но в отношении работы он — сама корректность, обещания свои все держит, окружает меня большим уважением. Если что и волнует меня в этом смысле, то это мысль о том, что он переоценивает мои возможности и, следовательно, должен будет разочароваться. Дело здесь не в ложной скромности, а в том, что за 10 лет в секторе сельского хозяйства я почти полностью утратила широту политэконо-

мического мышления, стала очень узким специалистом, видящим лишь «от сих до сих». Они же все — преподаватели, и уже в силу этого видят политэкономиию в целом, в ее внутренних взаимосвязях и в связях с западными теориями. Вот я и чувствую себя глуповато, а тут еще это подчеркнутое уважение. Получается бес- сознательное самозванство.

Но что хорошо — это возможность учиться. Возможность и необходимость, а это уже здорово. Абелу надоела математическая безграмотность его сотрудников, которые математике «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». И он организовал систематический курс обучения, рассчитанный на 3 года по 6 часов в неделю, с семинарами, зачетами и экзаменами. Не знаю, как там будет с экзаменами, но учиться очень интересно. Впрочем, подумала я сейчас, я уже, кажется, об этом писала в предыдущем письме. Вот как вредно не оставлять себе копий! Ну, пусть это послужит лишь подтверждением, что мне действительно нравится математика, успехи в которой мизерны.

Хорошо и то, что волей-неволей втягиваешься в обсуждение широких вопросов и выходишь за свою узкую скорлупу. Эти полгода немало мне дали для так называемого «повышения политического и теоретического уровня».

В театре за все время не была ни разу: неохота ехать в Новосибирск. В кино одно время ходили частенько, а сейчас тоже не была уже с месяц. А вот «сборища» разного рода — нередки, и бывают очень интересными. Последнее впечатление такого рода — день рождения небезызвестного Вам Шляпентоха⁶, который привозил Вам мою записку. Кстати, я, кажется, Вам говорила о произведенном на него впечатлении. Так вот, у него собралось человек 20 самого разнообразного народа, в том числе 5 экономистов (включая его и жену), 2 врача, биолог, этнограф, историк, 2 математика, учительница литературы (Эльвира Горюхина; может быть, помните ее выступление в «Литературке» года два назад о физике и лирике), да несколько преподавателей сибирских вузов. С самого начала пошли острые споры, прежде всего — о методах современной науки, конечно, о роли математики, ведь без этого здесь не обходится ни один разговор. П. Олдак крепко сцепился с математиком Фетом, который почти что помешан на своей специальности, дошло до резкостей, но с точки зрения болельщиков, Павел победил, что и требовалось доказать. Кстати, на последнем ученом совете ему наконец присудили звание старшего, так что он очень рад. А вот Костю Вальтуха⁷ пока отложили, хотя оснований для перевода на должность старшего у него больше, чем у кого бы то ни было. Он здесь у нас — один из умственных вождей.

Пруденский пока молчит, наверно, готовится к новым, скажем, шагам.

Я наконец закончила первый вариант работы. 524 страницы. Сейчас готовлю ее вторую часть (как более простую и недавно сделанную) к печати на ротатипри- те, потом буду переделывать и дорабатывать первую часть, многие материалы которой устарели. Испытываю уже немалую усталость, а работы еще — непочатый

6. В. Э. Шляпентох, социолог, сотрудник ИЭОПП.

7. К. К. Вальтух, до переезда в Новосибирск — сотрудник сектора Я.А. Кронрода в ИЭ АН СССР.

край. Одна из крупнейших задач — включение 1962 года, которым пока и не пахнет. Получили ли вы (в смысле ИЭ) зональные и районные материалы за 1962 год. Мне бы союзный, хотя бы отчетик!

Ваша Т. З.».

«Академгородок, 23.11.1963 г.

Дорогая Тамара!

Спасибо за письмо. Хотя оно рисует жизнь Волхонки (как здесь все называют Ваш институт) не самыми радужными красками, а все же хотелось бы побывать в ее стенах и повидать ее обитателей. Много недостатков в работе Волхонки и, в частности, пожалуй, действительно, трудно ожидать от нее чего-нибудь крупного из-за разобщенности тематики, кустарных методов труда. Но это более относится к методам работы, что же касается людей, то они в общем неплохие. Во всяком случае, всегда вспоминаю Волхонку, нашу, с большой теплотой (чего никогда не сказала бы, скажем, об Университете).

Моя главная новость состоит в том, что кончился период олимпийского спокойствия, когда я могла спокойно сидеть за машинкой у себя на четвертом этаже, и никто меня не тревожил без крайней нужды. Увы! Об этом времени тоже остается только вспоминать.

Во-первых, дирекция проявила пристальное внимание к работе над моей новой темой, которая теперь формулируется так: «Пути закрепления и оптимального использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Сибири». Проспект работы по данной теме слушался на дирекции — пять раз! И вовсе не потому, что он был очень плох. Сначала слушали проспект, потом его же в переработанном виде, потом дважды вели речь о составе группы и принципах ее формирования и, наконец, несколько дней назад затвердили проспект в окончательном виде. Помоему, он получился интересным, с широким народнохозяйственным подходом к проблеме, который мы, честно говоря, не надеялись протащить через дирекцию.

Начиная со своего окончательного переезда, я еще ни разу не встречалась с Пруденским, все дела идут через его помощников. Но это не помешало ему люто меня возненавидеть (что, впрочем, мало меня огорчает, ибо самое большое горе в местных условиях — это его любовь). Перед выборами в партбюро Института они в старом составе советовались о кандидатурах, и кто-то назвал мою фамилию. Тогда Пруденский сказал, что он не допустит, чтобы Заславская была в бюро, и лично даст ей отвод как нечестному человеку, обманувшему доверие института. Как Вам это нравится? Не он ли с первых шагов стал нарушать нашу договоренность? А ведь речь шла об окончании старой работы только к концу года! Теперь же он говорит, что дал мне три месяца. Ну и ну! На ходу подметки режут!

На бюро разгорелся крупный спор не только по этому поводу, но и по другим вопросам, его вельможным устремлениям был дан довольно суровый отпор, в результате чего П. заболел, а я оказалась заместителем партбюро Института. Состояние его сердца еще ухудшилось, когда стали известны результаты выборов.

Ибо его главный ставленник — Лазуткин (тот самый, который подписывает все разгромные статьи против «горе-экономистов») провалился, несмотря на новую систему голосования, также и еще один их человек, и теперь во всем бюро из 10 человек лишь один (зам. директора Никаноров) настроен безоговорочно в пользу дирекции. Много горя хлебнут они от такого бюро, ибо прошлое, в общем, было ручное.

Ну, ясное дело, из-за одного этого приходится теперь мотаться в Институт чуть ли не ежедневно. А тут еще эта перевыборная компания, серия отчетов в связи с концом года, множество собраний, конференций и пр. Не успеваешь нормально работать.

Много времени отняла и возня с проспектом по трудовым ресурсам. А теперь решением дирекции нас обязали к 19 января представить «метод. программу» работы по теме с подробным перечислением объектов изучения, материалов статистических, их источников, объема расчетов, формы анкетных обследований, математических методов и проч. и проч. Это тоже потребует немало времени.

Тем не менее, хотя и медленнее, чем хотелось бы, моя работа продвигается вперед. Четыре последние главы я закончила почти что полностью. Они отредактированы, устранены повторения, словом, лежат на тарелочке и ждут машинки. Не сдаю их в перепечатку только из-за некоторых мелких недоделок, устранить которые не могу своими силами. В этой связи обращаюсь к Вам с тремя главными просьбами:

1) В главе по тарификации значительная часть анализа базируется на рекомендациях по тарификации труда, выпущенных в 1961 и 1962 гг. в Молдавии, Азербайджане (Баку), Саратовской и Воронежской областях и БССР. Но нигде, ни в библиографии, ни в моих выписках, ни в табличных материалах, выбранных из этих справочников, нет их точных названий, указаний об издательствах и точных дат выпуска. Поэтому я не могу дать ни одной сноски. Очень прошу Вас, когда будете в Ленинке, посмотреть по систематическому каталогу рекомендации по тарификации и нормированию труда (а некоторые могут называться и просто об оплате труда в колхозах, или колхозах и совхозах) и сообщить мне их названия.

2) Хотелось бы получить обещанный Вами и Е. И. материал об оплате и производительности труда в колхозах обследуемых кустов районов за 1962 г. Если у Вас туговато со временем, то можно попросить Елену Ивановну, ибо она в принципе обещала это дело сделать. Поскольку формы выборки у Вас, по-видимому, не осталось, перечислю нужные показатели. Кстати, в результате разработки данных за 1961 г. выяснилось, что их можно существенно ограничить.

3) Мечта моего сердца — это сводный годовой отчет колхозов СССР за 1962 г. Дело не только в том, что освежение данных никогда не мешает. Главное заключается вот в чем. Расчет производства и распределения валового дохода в колхозном секторе доведен нами до 1961 г. Он довольно явственно обнаруживает все те прорехи, которые имели место в хозяйственной политике по отношению к колхозам. Результаты его печальны. Но интересно то, что все важнейшие показатели убыва-

ют до 1960 г., в то время как 1961 г. дает их весьма заметный подъем. Вопрос заключается в том, почему это происходит. То ли потому, что этот год был урожайным (1958-й тоже дает скачок, но после него падение), то ли потому, что здесь действительно началось «великое обновление», которое и привело к тому «изобилию» продуктов, что мы наблюдаем в Новосибирске, а вы — в Москве. Это, конечно, шутка, но именно в нынешних условиях обрывать анализ на более благоприятном годе обидно. И прежде всего встает вопрос: ну а что же было дальше?

...Сейчас, покончив на время с последними главами, я намереваюсь приняться за переработку первых, а это и означает включение в них результатов расчета валового дохода. Ах, если бы удалось заполучить отчетец за 1962 год!

Аганбегян покамест сохраняет намерение напечатать мою работу в типографии НГУ на ротапринтере. Это великое дело со всех точек зрения, и прежде всего потому, что ей вообще нелегко увидеть жизнь. Не знаю, насколько гладко она пройдет и здесь, говорят, что новосибирский Главлит свирепствует еще хуже московского. Ясно, что первые две главы для открытой печати не годны. Хотим их издать отдельно — «не для открытой печати», а может быть, даже и «для служебного пользования». Некоторое осложнение при таком способе печати (я имею в виду через НГУ, хотя бы и открыто), что надо самому распространять тираж. Конечно, брось 600 экземпляров такой книги в магазин, и ее не было бы на другой день, но все же распространять самому занудно. Буду писать и вам, волхонцам, мол, покупайте мои труды, даром дам только избранным!

Шутки шутками, а разорилась я тут полностью. Когда-то было у меня на книжке пятьсот рублей, а сейчас осталось 23. При этом моя милая дирекция еще собирается с меня взыскать около 250 рублей за якобы незаконную командировку в Москву в марте — начале апреля этого года. Потому что я не работала, а перевозила семью. Я им приволокла вороха материалов, привезенных из той командировки, но они сказали, что это не по той теме, а надо было по трудовым ресурсам. Сейчас это «дело» находится в Президиуме СОАН, не знаю, как оно будет решено, но зато знаю, что выплатить эти деньги мне не из чего, пусть удерживают из зарплаты.

Как Вам нравятся эти милые нравы? Обо всем договориться предоставить командировку, принять отчет, выплатить деньги, а через полгода вдруг взять за горло: давай обратно! Чудеса!

Но все это, в общем, мелочи. Дирекция противная, а наш народ очень хороший. Не все, конечно, благополучно в ЛЭМИ. Главная беда заключается в том, что почти никого нет Абеу вровень, он — как дуб среди мелкого подлеска, и потому не получает необходимой помощи. А один он, естественно, не может справиться с руководством нашей лабораторией, где одних кандидатов 16 человек, хозрасчетной лабораторией при НГУ, где теперь работает 89 человек, и кафедрой политэкономии в НГУ. Помимо руководства кафедрой он сам читает лекции, ведет семинары, руководит аспирантами, редактирует несколько разных сборников и т. д. и т. п. При этом не менее четверти времени проводит на разных совещаниях в Москве. Абел — прекрасный организатор, человек и ученый большого масштаба, смотря-

щий вперед, а не назад. Это — здорово, это — наше счастье. Но он не справляется со своими нагрузками, а мы не проявляем желания и умения переложить хотя бы часть из них на свои плечи. В результате общее дело страдает. Сейчас я упорно пытаюсь думать, как выйти из этого положения. Думаю, что сама могла бы сделать немало для организации научной жизни ЛЭМИ, если бы... больше понимала в ее тематике, стояла к ней ближе. К сожалению, моя математическая квалификация пока остается невысокой, хотя все время чему-нибудь учимся. Дважды в неделю изучаем мат.анализ, слушали лекции Абеда, часто совместные семинары с математиками Канторовича. Вот послезавтра будет такой семинар по применению математики в решениях задач по сельскому хозяйству. Все это не проходит втуне, но все же я от них сильно отстала.

Девчонки (дочки) чувствуют себя хорошо, городок они полюбили, да и как его не полюбишь. Красота тут просто несказанная. Идешь в НГУ лесом и веришь-неверишь, что этот замороженный зимний лес — почти что улица в городке. Дети катаются с гор на санях, на лыжах. Лена каждый день ходит на лечебную гимнастику, а в последнее время с ней увязывается и Оксана. Они буквально бредят собакой, так как тут их много, и все породистые. У нас во дворе, по их подсчетам, 17 собак, всех они знают по породам и кличкам. Для начала приручили приبلудного терьера Жука, который спит теперь у наших дверей, но брать его я не хочу, лучше все же щенка.

О приглашении В.Г. хлопочем в обкоме партии. Абеда нет, поэтому дело идет медленно.

Ваша Т. З.».

«Дорогая Тамара!

Поздравляю Вас с Новым годом, и для того, чтобы несколько подкрепить угасающее желание приехать к нам в городок, посылаю альбом его видов. Быть может, он вдохновит Вас на новые подвиги!

Страшно благодарна Вам и за отчет 1962 года, и за статистический сборник. Прямо ахнула, увидев его. Это совершенно невероятная ценность. Здесь он даже не поступал в продажу. Удивительно вовремя прибыл и отчет. У меня лежала рукопись, готовая к сдаче на машинку, так что я ее задержала на два дня, но сумела вставить 1962 год. Большое спасибо!

Живем мы, в общем, здорово. Нравится мне очень жизнь в городке. На днях приехал наконец Миша. Его избрали по конкурсу доцентом в НГУ по специальности «технология промышленного производства». Нагрузка не особенно велика, так что он будет иметь возможность одновременно работать над диссертацией. Пока что он ходит по городку и вздыхает: до чего хорошо, до чего же красиво! И действительно, окружающая красота как-то здорово поднимает общий тонус. Идешь куда-нибудь в Институт или НГУ, любишься зимним лесом, и невольно просится на лицо улыбка. То же самое на математике. Она у нас три раза в неделю. Слушаешь-слушаешь, а за окно посмотришь — огромные мачтовые сосны,

пушистый снег, синее небо. Хорошо! И сразу мозги прочищаются. Вообще-то математика мне дается легко и доставляет скорее удовольствие, вроде умственной гимнастики.

Нравится мне и общей стиль жизни: широкие дружеские связи, частое хождение в гости или приходы гостей, интеллектуальная обстановка, как это интересно, как это радует! И работается, конечно, хорошо.

Единственное мрачное пятно в моей жизни — необходимость защиты диссертации. В сущности, мне это совершенно не нужно, денег хватает, работа устраивает, но лодка уже попала в поток и несет он ее к довольно страшным порогам. Боюсь. Нервничаю. Проклинаю судьбу. А в промежутках — радуюсь жизни.

Итак, с Новым Годом! Что пожелать? Лучше всего то, чего хочется Вам. Да сбудутся самые смелые желания. Ну и счастья можно желать, не боясь ошибиться. Оно еще никому не мешало. Желаю счастья!

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 13.01.1966 г.

Дорогая Тамара!

Большое-пребольшое спасибо за справочник «Народное хозяйство». В этом году он особенно полный и аппетитный, а тираж его, конечно, ничтожный по сравнению с потребностью и спросом. Так что Вы — мой спаситель.

Почему Вы ничего не пишете? Получили ли Вы мою открытку с поздравлением к Новому году и просьбой выслать счет за выполненную работу? Все, что Вы мне прислали, нам нужно и полезно. Так что еще раз прошу Вас: возьмите в бухгалтерии экземпляр трудового соглашения и счета, заполните их в соответствии со сделанной работой, включая союзный отчет по колхозам, внимательно посмотрите, чтобы были заполнены все графы, заполняемые Вами (паспорт, прописка и проч. и проч.), и высылайте. Я допишу остальное и сдам на оплату. Справка Ваша у меня цела. Относительно суммы. О методе ее расчета мы с Вами уже говорили. В своем письме Вы упоминали сумму в 50 руб., как отвечающую объему работы. Если это так и осталось, пусть будет так. Если с тех пор работа добавилась, учтите все и присылайте документы. Не стоит затягивать это дело.

У нас дела идут неплохо, хотя ЛЭМИ все еще не утверждена как самостоятельное учреждение и мы висим между небом и землей. Но главное, что нас никто не тревожит, так что жить можно и в всячем положении. Очень много работы. И невольно задаешься вопросом: почему все-таки ее так много? Ведь над нами нет никого, кто диктовал бы нам план научной работы. Каждому предоставлена возможность (конечно, с учетом профиля ЛЭМИ) выбрать себе и тему, и сроки ее выполнения, и методы организации работы. Никто не требует с ножом к горлу, чтобы тема была окончена не за три, а за два года и т.д. То же относится и к печатным изданиям. И все же мы едва дышим. Выходит дело, что сами нагружаем себя сверх меры, а потом не выполняем взятые обязательства, ходим должниками,

ругаем друг друга. Почему же не взять себе плана поменьше? Ведь перевыполнить можно всегда? А вот почему-то не получается. Или инерция сказывается, что ли?

Я все еще числюсь и.о. зав сектором количественных методов в социальных исследованиях. За эти 4 месяца страшно устала от организационной работы, которой нет никакого конца. Кадры, командировки, распределение средств, утверждение сборников, методик, планов, тем, расстановка людей, формирование групп, контроль за выполнением решений — если всем этим заниматься всерьез, то для науки времени не останется. А на халтуру даже организационную работу делать крайне неприятно. В связи с этим я снова и снова прошу Абела подыскать более подходящую кандидатуру на руководство сектором. 36 человек! Это — по меньшей мере, 36 нерешенных проблем, а у многих людей проблема не одна. Тут и квартира, и нелюбимая работа, и повышение заработка и проч. и проч. А в секторе нету даже секретаря! Чуть ли не документы подшивать приходится мне.

С кадрами вообще у нас неважно. В среднем на одного кандидата в ЛЭМИ СОАН приходится пол-лаборанта, остальные лаборанты — в ЛЭМИ НГУ, которая находится на хозрасчете. Хочешь получить лаборанта — заключай хоздоговор с заинтересованным учреждением и оплачивай его сам. А нам, аграрникам, заключить договор труднее, чем богатому попасть в рай, не говоря уже о верблюде и угольном ушке. Впрочем, именно нам-то сейчас жаловаться не приходится. Два с.н.с из нашей группы переехали в Москву. Чураков (быв. аспирант Карнаухова) — в Косино. Переведенцев — в МГУ в лабораторию народонаселения Валентея. А лаборанты их остались. Так что сейчас на нас с В. Н. Ладенковым приходится пять лаборантов и аспирант. Трудность заключается в том, чтобы придумывать для них работу. Надо было бы укрепить нашу группу квалифицированными кадрами, но что-то не знаю, где их добыть? Нешто в аспирантуру набрать? По аспирантуре наши возможности практически не ограничены. Не знаете ли какого-нибудь толкового человека? Если бы не Женя⁸, звала бы Вас, да слишком крепок якорек. Пишите, что нового в Институте. Как Ваша новая метла⁹? Как с ней В. Г.? Всем привет. Еще раз спасибо за все заботы.

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 08.04.66 г.

Дорогая Тамара!

Большое спасибо за извещения о книгах. Вчера наконец заказала их через свою библиотеку. Если у Вас их «поимка» заняла 20 дней, то у нас, наверное, займет все 50. Но что поделаешь? Честно говоря, читать-то все равно некогда. Едва нашла время зайти в библиотеку, сдать заказы.

Живу все время как под прессом. Сегодня у меня по расписанию так наз. «творческий день» — один из двух в неделю дней, когда можно никуда не идти и заниматься работой. Но оргдел накопилось столько, что решила привести их в по-

8. Мой тогда семилетний сын.

9. Л. М. Гатовский, новый директор Института экономики АН СССР.

рядок, а для начала составила перечень. Письмо к Вам стоит там под номером 22, хотя и пишу его четвертым. А под номером 21 записано «Кронрод», что означает: начать и кончить переделку раздела в закономерности. Никому об этом не говорите, все-таки я пару дней на это дело вырву и приведу его в приличное состояние. Но когда? Завтра с 9 до 4-х заседание, потом у Майки¹⁰ новоселье, 10-го выходной, один день с детьми, а 11-го уже срок сдачи. Ну, опоздаю. Без моих 10 страниц как-нибудь проживут. А до съезда чего было менять? Да и тоже некогда было.

Ваше трудовое соглашение я подписала и сдала очень давно, Б. П. подписал его легко, вроде никаких осложнений нет. Но бухгалтерия у нас в другом здании и даже районе, так что бываем там редко. Если до сих пор перевода нет, обязательно напишите, проверим. А если есть, то неплохо тоже черкануть, дабы забыть об этом совсем.

Недавно получила приглашение от Тихонова¹¹ приехать на работу к нему в Ко-сино. Пишет, что ему известно о моем намерении вернуться в Москву и даже вступить в кооператив. Предлагает квартиру и все блага. Не знаю, откуда ему известно то, что неизвестно мне самой? Сегодня написала ему ответ — благородная форма отказа.

Если бы все зависело от меня, я бы ни за что не уехала отсюда, полюбила и городок, и лабораторию, и людей. А вот Миша все время «мутит воду» и ноет-ноет насчет Москвы. Дело осложняется тем, что у него совсем сдала нервная система... Приходится решать этот вопрос, в сущности, самостоятельно, и вся моя интуиция, «нутро» высказывается за городок с его более спокойной, комфортной и внутренне свободной жизнью. Тем более что сейчас здесь уже и Майя, и наш брат Юра, так что даже семейные узы представлены достаточно широко.

Павел Олдак рассказывал мне, как его агитируют насчет возвращения в ИЭ и как теперь ИЭ процветает. Но все же и его решение такое же: в Москве хорошо, но нам тут лучше.

Только вот дома уж очень тягостно, Миша совершенно не владеет собой... Это — не географическая проблема, никаким переездом ее не решишь...

Ну ладно. Я тоже расклеилась. Надо иметь железные нервы, чтобы все это спокойно выдерживать, время от времени как-то сдаешь.

До свидания. Пишите за жизнь и за Институт. Привет всем знакомым. Якову Абрамовичу передайте, что в ближайшие дни все сделаю.

С приветом Т. З.».

«Академгородок. 09.12.68 г.

Дорогая Тамара!

Ради бога извините за долгую задержку с ответом. Когда я получила Ваше письмо, то как раз собиралась в Москву и решила просто Вам позвонить. Действительно, будучи в Москве звонила Вам, но то ли телефон был занят, то ли не было

10. Майя Ивановна Черемисина — сестра Татьяны Ивановны.

11. В. А. Тихонов, директор ВНИИЭТУСХ.

никого — не помню уже, а только не дозвонилась. Была же я в Москве всего два дня, и то почти все время на каких-то заседаниях и в беготне. Так больше и не смогла позвонить.

Приехав в Новосибирск, решила написать Вам, но не могла ответить по существу. Ведь Вы спрашивали, когда именно я буду в Новосибирске в декабре, а именно в это время «висел в воздухе» вопрос о моем отпуске. Летом мы ездили в экспедицию, и я не отдыхала, сейчас очень устала, возможность взять отпуск есть, но вопрос упирается в путевку. Я предполагала поехать на две недели под Новосибирск в дом отдыха, и тогда в декабре как раз отсутствовала бы, но позже мне предложили путевку в Кисловодск с 15 января, так что теперь я, кажется, здесь обосновалась довольно прочно.

Приезжайте, если есть возможность! Буду очень рада Вас видеть. Единственно что — морозы у нас стоят просто зверские. Сегодня минус 44. На улицу выглянуть страшно: все как-то курится, клубится, не поймешь, а кожа лица болит даже после короткого пребывания на улице. Это первый раз за 6 лет Сибирь нам показывает свои зубы. А то думали: так себе, почти что Москва!

Если надумаете приехать — напишите. Большое спасибо Вам за теплое поздравление (кстати, по-моему, самое первое)¹². Я пока что отношусь к происшедшему с легким юмором, поскольку все это — лотерейная игра, в которой я — одна из карт в колоде. Привыкнуть к столь высокому званию не так легко: чувствую себя как будто не в своем платье. Но все-таки, конечно, и приятно. Итак, жду от Вас вестей. С приветом

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 11.11.1971 г.

Дорогая Тамарочка!

Я живу какой-то полусумасшедшей жизнью, когда буквально нет ни минуты (а если есть минута, то нету сил), чтобы сесть и написать хорошее письмо. Однако меня все время угрызает совесть, что я Вам не ответила. Это дурно в двух отношениях: во-первых, обычное свинство после всего того, что Вы для нас сделали. Во-вторых же, Вы можете подумать, якобы я так обиделась или рассердилась за первое письмо, что даже и на второе решила не реагировать. В действительности, конечно, ничего этого нет и не было. Оба Ваших письма я получила в самом конце своего пребывания в Улан-Удэ, поскольку была предупреждена Люсей, что получать их надо без М.Л., последний же вплоть до своего отъезда 14 августа меня одну не оставлял. Вот проводивши его на автобус в аэропорт, я и пошла на почтамт за письмами. Следовательно, никакого тягостного разрыва между названными письмами у меня не было. Да если бы и был, то тягостное смущение было бы вызвано только тем, что сами мы поступили по отношению к Вам в высшей степени бесцеремонно, и Ваша реакция была вполне естественна.

12. Т. И. была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

То, что Вы говорите о дружеских связях, разумеется, не вызывает сомнения. Ни Вы, ни я не склонны к излишним на тему о личных отношениях, но я могу сказать Вам искренне, что отношу Вас к числу наиболее близких и задушевных своих друзей. Конечно, Ваше житье на Пятницкой немало содействовало этой задушевности, и мне бесконечно жаль, что этот славный период так быстро закончился. А теперь у Вас не будет телефона, и, приезжая на короткие сроки, как я смогу с Вами повидаться? Ведь Вы знаете, как часто мне не удается за весь приезд заскочить в Институт экономики! Сообщите хотя бы свой служебный телефон и время пребывания в Институте.

Все, что Вы писали об Оксане¹³ и целесообразности ее скорейшей выписки, я восприняла как абсолютную истину и тут же приняла решение выполнить Ваш совет. К сожалению, тут вмешался карантин по дизентерии, но Мише уже удалось преодолеть и это препятствие, и 30 августа Оксанка после трехмесячного отсутствия вновь оказалась дома. Сейчас она потихоньку учится в школе, успехи относительные, чем кончится этот эксперимент, пока трудно сказать. Общее же состояние ее хорошее, она спокойна, дружелюбна к людям, послушна, добра.

С большим вниманием прочла то место Вашего письма, где говорится о личной жизни. Конечно, я догадывалась, что она имеет место быть, и радовалась за Вас. Сколько бы страданий нам в конечном счете ни приносила эта жизнь, а все-таки она составляет самую яркую часть нашего земного существования и без нее можно совсем засохнуть. Одна отрицательная черта ей свойственна: она не умеет стоять на месте. Нельзя остановить развитие человеческих отношений в той точке, когда все и «уже хорошо» и «еще хорошо». Они неудержимо катятся дальше от этой точки душевного равновесия, приобретая иногда весьма разрушительную силу. Не знаю, насколько Вам повезет в этом отношении... Меня, кажется, тоже начинает засасывать тот же водоворот. Течение реки еще достаточно спокойное, но достаточно сильное, и издали доносится грохот того водопада, в котором можно сломать себе шею. Надо бы как-то прибиться к берегу, но выйдет ли это, пока не знаю... Гул водопада. Предчувствие возможных разрушений. Стремление остановиться и еще раз продумать, что, собственно говоря, происходит, зачем, почему, насколько это необходимо и неизбежно...

Обязательно напишите мне свой новый адрес, а это письмо pošлю, наверное, на «бабу»... Боюсь бумаги, как огня. Кстати, получили Вы тогда мою открытку из аэропорта и нашли ли то подлое письмо? Вот несчастье эта привычка обязательно писать о том, что тебя волнует! Это от юношеских дневников. Пока не напишу, сама в себе не могу разобраться.

Напишите мне, как дела в Институте, как там Маргарита¹⁴ (она не пишет), на какой конкретно стадии Ваша диссертация, как проявляет себя новый директор товарищ Капустин.

13. Оксана — младшая дочь Т. И. лежала в больнице в Москве.

14. Маргарита Ивановна Сидорова, близкая подруга и соавтор Т. И., сотрудник ИЭ АН СССР.

А у меня тут еще было переживание: приехали в Улан-Удэ с Ленкой¹⁵, а там весь научный мир искренне полагает, что мы в ближайшее время всей семьей переедем в Улан-Удэ. И председатель филиала Филипов лично три часа возит на машине (вместе с Ефимовым), показывает город и сообщает, где мы будем жить, а где работать. Я была в шоке, потому что они обещали помощь Ленке при поступлении, и я полагала, что это была необходимая, с их точки зрения, плата. Еле разобрались, откуда что пошло. Ефимов эти слухи распустил после нашей встречи в Новосибирске, когда он мне рассказывал о достоинствах Улана и, действительно, звал туда, а поскольку в Новосибирске мне было тошно из-за Рубцовска, то я не говорила «нет», а внимательно слушала. Конечно, я не сказала и «да», но он то ли понял меня таким образом, то ли ему выгодно было так понять, но он доложил Филипову, что дело сделано, когда оно было еще не начато. Ну ладно, все это разговор особый.

Теперь я думаю быть в Москве в самом начале октября. По идее с 5 по 10 октября конференция по сельскому расселению в Болгарии, куда я оформляю документы, но пошлют ли, конечно, не знаю. Если нет, все равно приеду числа 10-го по текущим делам, в том числе — и в Госкомитет по трудресурсам, с которым хотелось бы установить не только личные, но и деловые контакты. Ирония судьбы заключается в том, что за 1,5 года знакомства с руководителем комитета мне ни разу не удалось толком поговорить о деле и, в частности, о совместной работе. Посмотрим, что будет дальше.

Мне очень будет не хватать контактов с Вами! А пока — пишите хотя бы. До 28 сентября Миша — в Кисловодске, и можно писать домой все, что заблагорассудится Вашей душе. Где-то 4-6 октября в Новосибирск будет возвращаться Майя, и с нею можно будет передать писульку...

Кончаю. Оксана буквально тянет за руку: суббота, надо сходить на рынок. Желаю Вам всего-всего хорошего.

С сердечным приветом Т. И.».

«Кисловодск. 14.01.73 г.

Дорогая Тамара!

Прежде всего поздравляю Вас со старым Новым Годом и желаю, чтобы он принес Вам резкую перемену настроения в лучшую сторону. Бросайте киснуть, сколько можно! Если все время переживать «язвы социальной системы», то лучше уж сразу в гроб ложиться, п.ч. жизни все равно не хватит. Ну верно, система поганая, так где они лучше, эти системы? *C'est la vie*, она нам дана как «объективная реальность в ощущении», а что ощущения не столь приятны, так что поделаешь? Жизнь-то одна, в 25 век не прыгнешь, а если бы и можно было, то совсем неизвестно, застанешь ли там море, реки и зеленую травку, не говоря уже об осетрине и икре. Опять же и назад по исторической лестнице двигаться не так уж привле-

15. Лена — старшая дочь Т. И.

кательно: Петр I бороду острижет, Иван IV на кол посадит. Так что, м.б., наше время — самое оптимальное. Женька¹⁶ выколол глаза за выполнение талантливого исследования? Никому. Впрочем, м.б., просто не было, кому выкалывать?

Все это шутки, а если серьезно, то жизнь действительно одна, и большей ценности у Вас не было, нет и не будет. Каждого месяца «полужизни», связанной с закисанием, бесконечно жалко. Наверное, надо как-то приспособиться, искать источники радости — духовной, материальной, физической — вне сферы «основной деятельности», если последняя заплевана и загажена. А кроме того, имеет смысл сменить и арену этой деятельности. При нашем последнем разговоре С. просил поторопить Вас: штат комплектуется, идет распределение участков, и ему важно было бы договориться с Вами. Не тяните больше, а то упустите. Мне кажется, что там обстановка будет иная, ближе к жизни, больше свободы для творчества. И хотя предложения этого отдела, как и других гос.органов (хотя бы Комитета по трудресурсам), скорее всего реализоваться не будут, но Вы хотя бы познакомитесь со всем механизмом системы, поймете, почему же, черт возьми, ни одно разумное предложение не может быть реализовано. Кроме того, познакомитесь с уникальными по полноте материалами о соц.-эк. проблемах нашего общества. Поработаете несколько лет, завяжете прочные личные планы с Госпланом и вернетесь в свой институт, когда будет можно, совершенно другим человеком, в смысле роста, широты взглядов, эрудиции и т.д. Мне очень хочется Вас увидеть. Я буду в Москве с 18 по 22 января. Уезжаю отсюда раньше времени (на 4 дня)... Повидаться нам с Вами будет вполне возможно. Жду Вашего звонка 18-го или 19-го.

С сердечным приветом Ваша Т. И.».

Открытка «Дорогая Тамара! 24.12.73 г.

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю того, чего меньше всего имеется в нашем мире, т.е. счастья. В последнее время я начала сомневаться в том, что оно вообще существует. Иными словами, что ощущение счастья м.б. адекватным отражением реальности, а не ошибочной реакцией сбившегося с пути организма. Но даже если это так, я все равно пожелаю бы Вам больше этих ошибочных реакций, потому что без них не очень стоит и жить. Не думайте только, что я расхандрилась — настроение вполне нормальное.

Сердечный привет и добрые пожелания Леве, Я. А., Ирине, Марианне и др. симпатичным людям, в т.ч. Жене¹⁷.

Ваша Т. И.».

16. Е. И. Капустин, директор ИЭ АН СССР,

17. Сотрудники Института экономики АН СССР — Л. В. Никифоров, Я. А. Кронрод, И. В. Можайскова, М. А. Козлова, мой сын Евгений.

* * *

Готовя письма Татьяны Ивановны к публикации, я больше недели пребывала в общении с ней, но и это время прошло. Пока невозможно привыкнуть к мысли, что уже не будет писем, открыток, звонков, встреч и согревающих душу разговоров, поддержки и того тепла и радости, которые мне повезло получать в течение 50 с лишним лет нашего знакомства.

Letters of Tatyana Zaslavskaya (1963–1973)

Tamara Kuznetsova

Chief Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation 117418

E-mail: kte@inecon.ru

The publication presents a letters of the member of the Russian Academy of Sciences (RAS) Tatyana Ivanovna Zaslavskaya, related to the first ten years of her life in the Novosibirsk Akademgorodok. In 1963 Tatyana Zaslavskaya has transferred from the Institute of Economy of the RAS to the Laboratory of Economics and Mathematical Research (LAMY), created by Abel Aganbegyan at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the RAS Siberian branch. She moved with her family from Moscow to Novosibirsk Akademgorodok. Her addressee, Tamara Kuznetsova, was in that period a junior research fellow of the Institute of Economy and prior to the departure of Tatyana Zaslavskaya to Akademgorodok worked as her “junior” assistant at the sector of the political economy of socialism, led by Y. Kronrod. Letters reveal many sides of Zaslavskaya’s life: her everyday life and relationships with colleagues, the situation at the LAMY and nature of her work there, the state of agriculture at the USSR and the situation in the country, etc. But the main subject that these letters clarify is Tatyana Zaslavskaya herself — extremely pure, honest, sincere, smart, talented person and a wonderful friend.

Keywords: Tatyana Zaslavskaya, Soviet science, Laboratory of Economics and Mathematical Research, Novosibirsk Akademgorodok, Abel Aganbegyan